

Научная статья

УДК 304.44

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-202-213

Обобщенное доверие в современном китайском обществе

Петр Михайлович Федоров^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), Санкт-Петербург, Россия,

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, 263816@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5427-2763>

Аннотация. Статья посвящена изучению факторов динамики обобщенного доверия в культуре современного китайского общества. Обосновано использование данных кросс-культурных исследований для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах. Для более полного понимания результатов социологических исследований межличностного доверия в Китае предложена их интерпретация при помощи понятия «доверие, основанное на отношениях», отражающего специфику китайского феномена доверительных отношений, как персонализированной, аффективной, инструментальной социальной связи. Цель исследования — разработка концептуальной модели обобщенного доверия в современной культуре Китая и оценка возможности использования данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия «доверие» в различных национальных культурах, изучения социальных установок доверия. Новизна результатов исследования состоит в аргументированном обосновании интерпретации концепции межличностного доверия в современной культуре Китая при помощи понятия «основанное на отношениях доверие», а также в обосновании актуальности применения данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах.

Ключевые слова: культура доверия, обобщенное доверие, межличностное доверие, китайское общество, кросс-культурные исследования

Для цитирования: Федоров П. М. Обобщенное доверие в современном китайском обществе // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 202–213. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-202-213>

Original article

Generalized trust in modern Chinese society

Petr M. Fedorov^{1, 2}

¹ Saint-Petersburg State Institute of Technology, St. Petersburg, Russia,

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia, 263816@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5427-2763>

Abstract. The article is focused on the study of the factors of generalized trust in modern Chinese society. The use of cross-cultural research data to reveal the content of the concept of generalized trust and its structure in different national cultures is justified. For a more complete understanding of the results of sociological studies of interpersonal trust in China, their interpretation is proposed using the concept of “relationship-based trust”, reflecting the specificity of the Chinese phenomenon of trusting relationships as a personalized, affect-

© Федоров П. М., 2024

tive, instrumental social bond. The purpose of the study is to develop a conceptual model of generalized trust in contemporary Chinese culture and to assess the possibility of using the data of cross-cultural sociological studies of generalized trust to reveal the content of the concept of “trust” in different national cultures, to study the social attitudes of trust. The novelty of the research results consists in the reasoned justification of the interpretation of the concept of interpersonal trust in the modern culture of China by means of the concept of “relationship-based trust”, as well as in the justification of the relevance of the application of the data of cross-cultural sociological research of generalized trust to reveal the content of the concept of generalized trust and its structure in different national cultures.

Keywords: trust culture, generalized trust, interpersonal trust, Chinese society, cross-cultural research

For citation: Fedorov P.M. Generalized trust in modern Chinese society. *Sociology and Law. 2024;16(2):202-213.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-202-213>

Введение

Современные российско-китайские отношения в сфере экономики и политики достигли беспрецедентно высокого уровня и продолжают развиваться. Об этом свидетельствуют как заявления представителей Правительства [1], так и объективные экономические показатели: по данным Главного таможенного управления Китайской Народной Республики (КНР), товарооборот Китая с Россией в 2023 г. достиг рекордных \$240,11 млрд, увеличившись на 26,3 % [2]. Расширение международного экономического сотрудничества актуализирует исследование кросс-культурного взаимодействия в деловой сфере, вопросов взаимопонимания культур разных стран. Тем более что в сферах бизнеса и политики понимание детерминирующих поведение партнера культурных паттернов дает преимущество.

В исследующей межличностное доверие социологической теории принято выделять обобщенное доверие, то есть доверие людям в целом, независимо от того, являются ли эти люди в отношении респондента его родственниками, знакомыми, и партикуляризированное доверие — доверие людям, которых респондент знает лично. Работы таких исследователей, как Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт, К. Вельцель, связывают уровень обобщенного доверия с уровнем жизни в стране, социальным благополучием, эффективностью работы социальных, политических институтов. Вместе с тем остаются актуальными вопросы методологии кросс-культурных исследований обобщенного доверия и понимания факторов динамики обобщенного доверия в национальных культурах.

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью теоретического осмысления концепции доверия в современной культуре Китая. Новизна результатов исследования состоит в аргументированном обосновании интерпретации концепции межличностного доверия в современной культуре Китая при помощи понятия «основанное на отношениях доверие», а также в обосновании актуальности использования данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах.

Материалы и методы

Принятая в кросс-культурных исследовательских проектах изучения социальных установок и ценностей (таких как Всемирное исследование ценностей / World Values Survey, WVS) операционализация обобщенного доверия основана на методике, предложенной в 1957 г. М. Розенбергом в книге «Профессии и ценности».

В ней обобщенное доверие оценено через установки доверия в отношении различных социальных объектов. Открытый доступ к данным исследования WVS и его масштаб (около 400 тыс. интервью в 100 странах мира с 1981 г. по настоящее время) сформировали традицию изучения обобщенного доверия при помощи вопросов о доверии. Так, в опроснике Всемирного исследования ценностей содержится следующая формулировка (WVS, вопрос № 57): «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?». У современных исследователей возникают обоснованные сомнения относительно валидности такого метода изучения доверия, поскольку, отвечая на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей, респондент демонстрирует в большей степени свои социальные установки в отношении доверия, чем доверие как таковое. В частности, Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов пишут, что эти процедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, но лишь мнение людей о доверии [3, с. 157].

В целом, соглашаясь с оценкой авторов, стоит указать, что использование данных кросс-культурных исследований обобщенного доверия, построенных на подобной операционализации, оказывается актуальным, но не для оценки уровня обобщенного доверия, а для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах. Изучение социальных установок в отношении различных ин-групп (семья, знакомые), аутогрупп (люди другой веры, другой национальности) позволяет раскрыть комплексную структуру объекта социальной установки, в частности обобщенного доверия.

Как теоретический, так и практический интерес представляет проверка степени, в которой концептуальные модели обобщенного доверия, «работающие» в рамках одной культуры, актуальны для другой культуры. Например, интерпретация ответов на вопрос о «доверии большинству людей», отражающая установки обобщенного доверия, то есть доверия по отношению к людям вообще, обусловлена решением двух проблем:

- радиус доверия, то есть содержание категории «большинство людей», может различаться в национальных культурах;
- в национальных культурах понятия «доверие большинству людей» и «осторожность в отношениях с людьми» могут быть наполнены различным смыслом.

Чжай Сюэвэй (факультет социальных и поведенческих наук Нанкинского университета, Китай) утверждает, что проблема, с которой в настоящее время сталкиваются китайские ученые, изучающие обобщенное доверие, состоит в использовании западных моделей доверия, сформированных западной культурой, без критической рефлексии того, что приведенные модели также являются своего рода культурным феноменом. В этом вопросе японские ученые (например, Т. Ямагиши) действуют более последовательно, разрабатывая теорию обобщенного доверия на основе изучения японской культуры. Поясняя этот тезис, Чжай Сюэвэй описывает шкалу измерения социальной установки доверия в китайском обществе следующим образом: «линия доверия» китайцев начинается с искренности (чэнг “诚”), затем переходит в доброжелательность (жен-ай 仁爱), продолжается к верности (синьйи 信义) и, наконец, обращается в свою противоположность — предательство (бейсинцийи 背信弃义) [4, с. 1].

Обратимся к данным седьмой волны Всемирного исследования ценностей, отраженным на рисунке 1. Данная диаграмма демонстрирует относительно высокий уровень обобщенного доверия в Китае. Но прямое сравнение уровня декларируемого респондентами из Китая обобщенного доверия с аналогичным уровнем для выборок из других стран будет не совсем корректным.

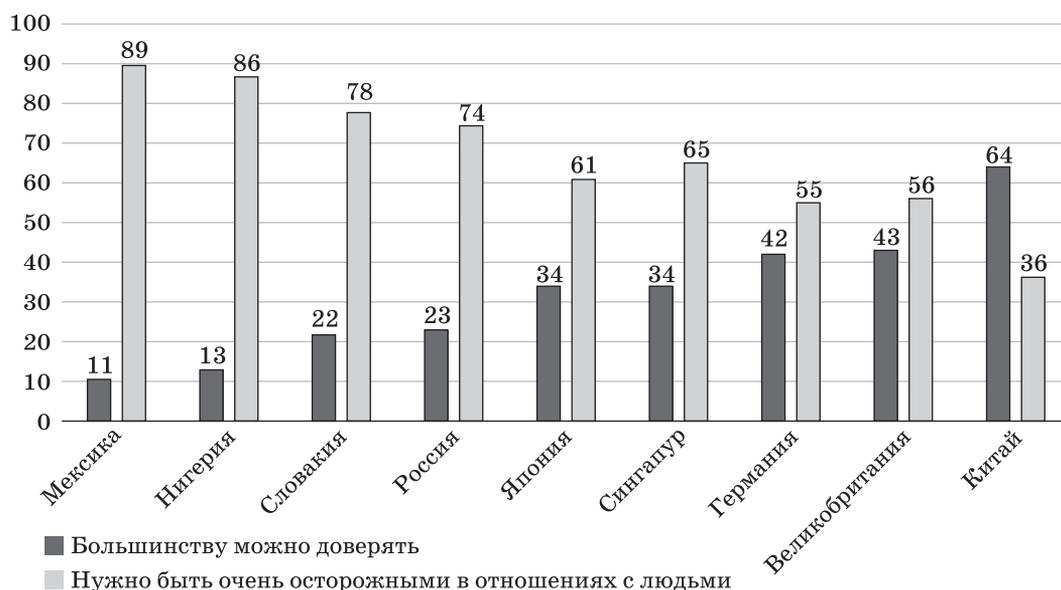

Рис. 1. Ответы на вопрос № 57 Всемирного исследования ценностей, %
 Fig. 1. Responses to question No. 57 of the World Values Survey, %

Построение диаграмм перекрестного распределения ответов на вопросы «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» и «Скажите, Вы полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете людям, с которыми Вы встречаетесь в первый раз?» говорит о различиях в содержании установок обобщенного доверия в культурах разных стран, как показано на рисунках 2, 3 и 4.

Рис. 2. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в Китае, %
 Fig. 2. Cross-cultural distribution of responses to questions No. 57 and No. 61 in China, %

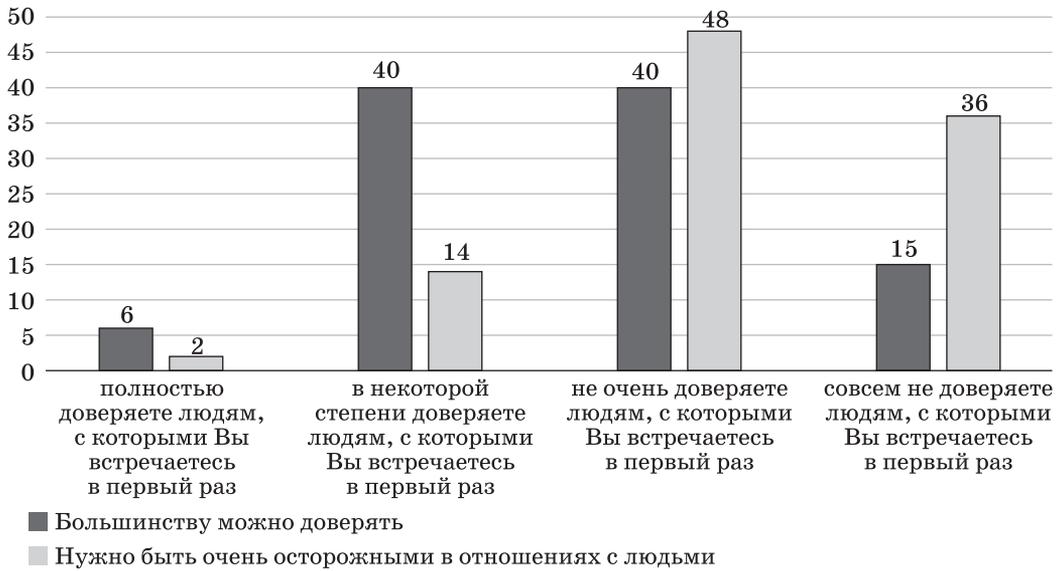

Рис. 3. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в России, %
 Fig. 3. Cross distribution of answers to questions No. 57 and No. 61 in Russia, %

Рис. 4. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в Великобритании, %
 Fig. 4. Cross distribution of answers to questions No. 57 and No. 61 in Great Britain, %

Доля респондентов, считающих что «большинству людей можно доверять» и при этом не очень доверяющих «людям, с которыми встретились первый раз», в британской выборке WVS составляет 22 %, российской — 40 %, а в китайском сегменте исследования таких респондентов — 71 %.

Одно из объяснений этого феномена — более узкий радиус доверия, определяемый Ф. Фукуямой как «круг людей, среди которых действуют нормы сотруд-

ничества» [5, с. 66]. Работы таких исследователей, как Стерджис, Смит [6, р. 74], Делхи, Ньютон, Вельцель [7, р. 786], убедительно демонстрируют, что круг лиц, включаемых респондентами в понятие «большинство людей», значительно различается в национальных культурах. На радиус этого круга влияют социальные факторы (эффективная деятельность институтов), особенности экономической модели и факторы национальной культуры.

Другое объяснение сочетания декларируемого доверия «большинству людей» и недоверия «людям, с которыми встретились первый раз», предложенное Т. Ямагиши, заключается в том, что отношение к обобщенному доверию и «осторожности» в конфуцианских культурах выступают не противоположными сторонами одной «шкалы», измеряющей обобщенное доверие, а двумя различными, хотя и взаимосвязанными социальными установками [8]. Подтверждение такого объяснения в дальнейшем получено в экспериментах А. С. Миллера и Т. Митамуры [9, р. 62]. Убеждение относительно того, что осторожность необходима в отношениях с другими, является не отсутствием доверия, а скорее, установкой на потенциальное наличие риска эксплуатации со стороны других. Иными словами, люди доверчивые и вместе с тем благоразумные — это люди, которые верят в то, что большинство из нас достойны доверия, но готовы иметь дело с небольшим меньшинством потенциальных «хищников».

Китайский социолог Чжай Сюэвэй в упомянутой ранее статье, анализируя результаты исследований особенностей обобщенного доверия в конфуцианских культурах, обосновывает необходимость выделения двух типов доверия в культуре современного китайского общества: конфуцианская культура оказывает положительное влияние на «доверие, основанное на отношениях» в обществе, в котором важна репутация, и отрицательное — на «доверие, основанное на социальных нормах», в обществе, в котором значимым является верховенство закона. Соглашаясь с автором, укажем, что характерное для западной социологии определение понятия «доверие» в рамках индивидуалистической системы ценностей смещает акцент на положение индивида в группе, социальной, рыночной среде, а следовательно — на изучение доверия как индивидуальных убеждений, установок. Однако в китайской системе ценностей, которую Маркус и Китаёма характеризуют как «культуру взаимозависимости», в которой идентичность связана с представлением о фундаментальной связи людей друг с другом, утверждении себя в отношениях, акцент смещается на приспособление и гармоничную взаимозависимость [10, р. 224]. Поэтому для более полного понимания результатов социологических исследований межличностного доверия в Китае необходима их интерпретация при помощи понятия «основанное на отношениях доверие».

В качестве примера можно привести результаты опубликованного международной группой социальных психологов в 2023 г. исследования влияния межличностного доверия и приверженности (commitment) на качество отношений между коллегами в группе из 346 китайских офисных служащих (разного пола, в возрасте от 25 лет, с опытом работы не менее двух лет). Хотя предметом исследования выступает не обобщенное доверие, а доверие партикуляризованное, его результаты позволяют обнаружить существенные различия в интерпретации базового понятия «доверие» в контексте западной и китайской культур. Авторы пишут, что вопреки их ожиданиям, нет признаков того, что доверие коллег напрямую влияет на качество отношений между ними. Результаты показывают, что приверженность, а не доверие, играет доминирующую роль в качестве отношений с коллегами на рабочем месте в Китае [11, р. 1]. В построенной исследователями модели уровни приверженности и доверия выступают различными переменными. Однако в интерпретации китайского феномена персонализиро-

ванной, аффективной, инструментальной социальной связи (гуаньси, 关系) понятие «основанное на отношениях доверие» более адекватно отражает национальную специфику, чем понятие «приверженность» (commitment). Многогранный феномен гуаньси включает в себя обмен материальными и нематериальными услугами (жэньцинг, 人情); аффективную привязанность (ганьцинг, 感情); уважение к социальному статусу и репутации (мьенци, 面子). Таким образом, доверие, основанное на социальных нормах оказывается менее значимым для качества отношений между коллегами фактором, чем доверие, основанное на человеческих отношениях.

При проведении кросс-культурных исследований, помимо единообразия в трактовке ключевых понятий («доверие», «большинство людей», «осторожность в отношениях с людьми») респондентами разных стран, базовым допущением выступают предположения о межгрупповой сравнимости структур социальных установок доверия и инструментов их измерения [12, р. 456]. Одним из способов проверки указанной сравнимости служит факторный анализ (confirmatory factor analysis), позволяющий выявить латентные переменные, обуславливающие значения ряда интересующих нас наблюдаемых переменных. Используем данный прием для оценки сопоставимости значений переменных, отвечающих за измерение установок обобщенного доверия. В нашем случае сходство структур факторных моделей, полученных для выборок разных стран, будет говорить о том, что значения сравнимы. Напротив, различия в структурах будут свидетельствовать в пользу их несопоставимости.

По данным седьмой волны Всемирного исследования ценностей, проведен факторный анализ переменных, характеризующих установки межличностного доверия (вопросы с № 57 по № 63 WVS). Полученные факторные модели представлены в таблице 1. Проверка пригодности исходных данных для процедуры факторного анализа проведена с использованием тестов Kaiser — Meyer — Olkin (для российской выборки значение составило 0,746; китайской 0,701; британской 0,741) и Barlett (с положительным результатом). Условие определения количества факторов — значение характеристических чисел (собственных значений) более 1. Выделение факторов осуществлялось методом главных компонент. Отрицательные значения коэффициентов корреляции объясняются тем, что шкалы исходных переменных направлены от позитивной установки (минимальное значение) к негативной (максимальное значение).

Таблица 1

Факторный анализ переменных, характеризующих установки межличностного доверия

Table 1. Factor analysis of variables characterizing interpersonal trust attitudes

	Россия		Китай		Великобритания	
	1	2	1	2	1	2
Доверие большинству людей	,421	,142	,329	,296	,532	,263
Доверие семье	-,121	,812	-,089	,619	,675	-,115
Доверие соседям	,389	,649	,179	,754	,656	,302
Доверие людям, с которыми лично знакомы	,419	,608	,193	,750	,684	,159
Доверие людям, с которыми встречается в первый раз	,747	,132	,637	,309	,593	,395
Доверие людям другой веры	,877	,101	,836	-,015	,184	,904
Доверие людям другой национальности	,866	,109	,831	,000	,147	,912

Первый фактор, выделенный в российской и китайской выборках, можно назвать фактором «аут-группового доверия», поскольку наибольшую факторную нагрузку в нем имеют переменные, измеряющие ответы на вопросы о доверии людям другой веры, другой национальности, доверие людям, «с которыми встречаетесь в первый раз». В российской и китайской выборках переменная, измеряющая ответ на вопрос о доверии «большинству людей», в наивысшей степени коррелирует именно с этим фактором. В британской выборке переменная, измеряющая доверие «большинству людей», коррелирует с другим фактором, в частности фактором «ин-группового доверия» (доверия семье, соседям, людям, «с которыми лично знакомы»). Таким образом, различия в структуре факторных моделей не позволяют проводить прямые кросс-культурные сравнения значений переменных, измеряющих уровень обобщенного доверия.

При этом в китайском сегменте исследования связь обобщенного доверия с доверием незнакомцам, людям другой веры или другой национальности минимальна. Это позволяет заключить, что в восприятии китайских респондентов объект социальной установки доверия «большинство людей» слабо связан с объектами «незнакомые люди» и «представители аут-групп». Гипотеза, объясняющая это расхождение, сводится к следующему: вопрос о доверии большинству в китайском обществе операционализирует установки в отношении социальных норм доверительных отношений (но не обобщенное доверие в традиционном для отечественной социологии понимании); вопросы о доверии незнакомым людям и представителям аут-групп операционализируют комплекс аут-групповых установок.

Изучение факторов, влияющих на динамику обобщенного доверия в современном китайском обществе, связано с исследованием изменений социальной структуры, изменений экономической модели, обусловленных глобализацией социокультурных изменений. Опираясь на работы исследователей радиуса доверия, таких как Стерджис, Смит, Делхи, Ньютон, Вельцель, современные корейские социологи Лим, Им, Ли обосновывают тезис о коллективистской традиции конфуцианских культур (среди них — Корея, Китай, Япония) как моральной основе обобщенного доверия. В проведенном ими регрессионном анализе с радиусом доверия сильно коррелируют не только культурные ценностные ориентации, но и факторы социального опыта респондента (например, ежедневного опыта общения с незнакомыми людьми в общественных местах), что позволяет строить модель, объясняющую динамику установок обобщенного доверия [13].

Коллективом авторов Южно-Китайского технологического университета и Университета имени Сунь Ятсена на основе анализа статистических данных о динамике рабочей силы в регионах Китая и данных об уровне преступности в регионах разработана регрессионная модель, обосновывающая влияние индекса социокультурного разнообразия населения того или иного региона на уровень преступности. Исследование демонстрирует негативное влияние социокультурного разнообразия населения на обобщенное доверие: чем выше уровень разнообразия населения в регионе, тем ниже в нем уровень обобщенного доверия. В модели уровень обобщенного доверия использован как опосредующая переменная: разнообразие населения приводит к увеличению уровня преступности при низком уровне обобщенного доверия. В таблице 2 приведены соответствующие результаты. Согласно этим данным, включение переменной обобщенного доверия повышает точность регрессионной модели, к тому же индекс разнообразия населения более значимо влияет на уровень преступности, чем уровень обобщенного доверия [14].

Таблица 2

Регрессионная модель влияния индекса социокультурного разнообразия населения региона на уровень преступности в Китае

Table 2. Regression model of the influence of the index of sociocultural diversity of the regional population on the crime rate in China

	Зависимая переменная: показатель уровня преступности (кол-во вступивших в законную силу приговоров за уголовные преступления на 10 тыс. чел.)		Зависимая переменная: обобщенное доверие
	Модель не содержит переменных доверия	Модель содержит переменные доверия	
	(1)	(2)	(3)
Социокультурное разнообразие населения	0,414	0,317	-0,172
Обобщенное доверие		-0,109	
Скорректированный R^2	0,206	0,478	0,239
Количество наблюдений (регионов)	288	288	288

Син Цицзянг, социальный психолог факультета социологии и психологии Центрального финансово-экономического университета в Пекине, на основе комплексного анализа микро- и макроэкономических данных и результатов психологических исследований разработал модель влияния процесса «маркетизации» (рыночной трансформации китайской экономики) на динамику обобщенного доверия в Китае. Среди рыночных институциональных факторов, снижающих уровень обобщенного доверия, он указывает рыночные стимулы, механизмы конкуренции, неравенство доходов. При этом в модели выделены институциональные факторы сохранения обобщенного доверия: рыночные правила, кредитная система (институт репутации). Однако свойственная Китаю культура негласных договоренностей и лояльность к нарушению рыночных правил представляют угрозу этим институциональным факторам сохранения обобщенного доверия. Фактором, опосредующим влияние маркетизации на обобщенное доверие, выступает изменение распространенных в обществе взглядов на человеческую природу: рост популярности модели homo Economicus [15, p. 1951].

Выводы

Подводя итог, укажем, что в современной социологической научной литературе сформировались различные подходы к пониманию феномена доверия.

Первый подход, представленный в работах Т. Ямагиши, можно назвать «рациональным». В контексте этого подхода доверие понимают как результат рациональной оценки надежности партнера по социальному взаимодействию. Второй подход можно назвать «социально-когнитивным», в рамках которого, например в работах А. Тэшфеля и Дж. Тернера, обобщенное доверие связывают с восприятием ин-группы и социальными установками в отношении аут-групп, то есть формирование обобщенного доверия понимают как результат межгруппового взаимодействия. Третий подход, отраженный в работах Э. Усланера, можно назвать подходом «культуры доверия». С учетом этого подхода обобщенное доверие понимают как совокупность социальных норм, основанных на культурной традиции.

Каждый из подходов помогает более всестороннему, глубокому пониманию специфики обобщенного доверия в современном китайском обществе и особенностей его динамики. Использование данных кросс-культурных исследований обобщенного доверия оказывается актуальным для раскрытия содержания понятия доверия в различных национальных культурах и исследования социальных установок доверия. Изучение социальных установок в отношении различных ин-групп, аут-групп дает возможность раскрыть комплексную структуру объекта социальной установки, в частности обобщенного доверия.

Список источников

1. Андрей Белоусов: Товарооборот России и Китая стабильно растет // Правительство России: офиц. сайт. 2023. 20 ноября. URL: <http://government.ru/news/50157/> (дата обращения: 19.04.2024).
2. В Китае заявили о рекордных объемах торговли с Россией в 2023 году // ТАСС. 2024. 12 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193> (дата обращения: 19.04.2024).
3. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212
4. Zhai X. The essence of trust and its culture // *Chinese Journal of Sociology*. 2014. Vol. 34. No. 1. P. 1–26. (На кит.).
5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
6. Sturgis P., Smith P. Assessing the validity of generalized trust questions: What kind of trust are we measuring? // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 74–92. DOI: 10.1093/ijpor/edq003
7. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem // *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76. No. 5. P. 786–807. DOI: 10.1177/0003122411420817
8. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan // *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18. No. 2. P. 129–166. DOI: 10.1007/BF02249397
9. Miller A. S., Mitamura T. Are surveys on trust trustworthy? // *Social Psychology Quarterly*. 2003. Vol. 66. No. 1. P. 62–70. DOI: 10.2307/3090141
10. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. No. 2. P. 224–253. DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224
11. Co-worker relationship quality: The role of commitment and trust in China / S. Horak, A. Klein, H. Ahlf [et al.] // *European Journal of International Management*. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 31–59. DOI: 10.1504/EJIM.2023.10053669
12. Byrne B. M., Shavelson R. J. Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement in variance // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 105. No. 3. P. 456–466. DOI: 10.1037/0033-2909.105.3.456
13. Lim C., Im D.-K., Lee S. Revisiting the “trust radius” question: Individualism, collectivism, and trust radius in South Korea // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 153. No. 1. P. 149–171. DOI: 10.1007/s11205-020-02496-4
14. Jin J., Shi Y., Zhu L. The barriers of identity: Population diversity, social trust and crime // *Chinese Journal of Sociology*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 243–267. DOI: 10.1177/2057150x221091078
15. Xin Z. Marketization and interpersonal trust decline in China // *Advances in Psychological Science*. 2019. Vol. 27. No. 12. P. 1951–1966. (На кит.). DOI: 10.3724/SP.J.1042.2019.01951

References

1. Andrey Belousov: Trade turnover between Russia and China is growing steadily. Official website of the Russian Government. Nov. 20, 2023. URL: <http://government.ru/news/50157/> (accessed on 19.04.2024). (In Russ.).

2. China announced record trade volumes with Russia in 2023. TASS News Agency. Jan. 12, 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193> (accessed on 19.04.2024). (In Russ.).
3. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Transformation of the culture of trust in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(1):157-179. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212
4. Zhai X. The essence of trust and its culture. *Chinese Journal of Sociology*. 2014;34(1): 1-26. (In Chin.).
5. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. New York, NY: The Free Press; 1996. 480 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. Moscow: AST; Ermak; 2004. 730 p.).
6. Sturgis P., Smith P. Assessing the validity of generalized trust questions: What kind of trust are we measuring? *International Journal of Public Opinion Research*. 2010;22(1): 74-92. DOI: 10.1093/ijpor/edq003
7. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*. 2011;76(5):786-807. DOI: 10.1177/0003122411420817
8. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*. 1994;18(2):129-166. DOI: 10.1007/BF02249397
9. Miller A.S., Mitamura T. Are surveys on trust trustworthy? *Social Psychology Quarterly*. 2003;66(1):62-70. DOI: 10.2307/3090141
10. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*. 1991;98(2):224-253. DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224
11. Horak S., Klein A., Ahlf H., et al. Co-worker relationship quality: The role of commitment and trust in China. *European Journal of International Management*. 2024;23(1):31-59. DOI: 10.1504/EJIM.2023.10053669
12. Byrne B.M., Shavelson R.J. Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement in variance. *Psychological Bulletin*. 1989; 105(3):456-466. DOI: 10.1037/0033-2909.105.3.456
13. Lim C., Im D.-K., Lee S. Revisiting the “trust radius” question: Individualism, collectivism, and trust radius in South Korea. *Social Indicators Research*. 2021;153(1):149-171. DOI: 10.1007/s11205-020-02496-4
14. Jin J., Shi Y., Zhu L. The barriers of identity: Population diversity, social trust and crime. *Chinese Journal of Sociology*. 2022;8(2):243-267. DOI: 10.1177/2057150x221091078
15. Xin Z. Marketization and interpersonal trust decline in China. *Xīnlǐ kēxué jìnzhǎn = Advances in Psychological Science*. 2019;27(12):1951-1966. DOI: 10.3724/SP.J.1042.2019.01951

Информация об авторе

П. М. Федоров — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления социально-экономическими системами (СПБУТУиЭ); 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; доцент кафедры управления персоналом и рекламы (СПБГТИ (ТУ)); 190013, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 24-26/49а; SPIN-код 6241-3688.

Information about the author

P. M. Fedorov — PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; Associate Professor at the Department of Personnel Management and Advertising (SPSIT); 24-26/49A Moskovskiy Ave., St. Petersburg 190013, Russia; SPIN-code 6241-3688.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.